

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: domanov@philos.nsu.ru

К ТЕОРЕТИКО-МОДЕЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ»

В статье обсуждается общая идея теоретико-модельной интерпретации «Бытия и времени» М. Хайдеггера. Предложена онтологическая интерпретация теории моделей, допускающая описание в теоретико-модельных терминах понятий озабоченности, подручности, наброска, решимости и др. Оно становится возможным благодаря определенному пониманию Хайдеггером тревоги как потери себя и совести как призыва вернуться к себе. Это ставит вопрос об их альтернативных пониманиях и возможности их теоретико-модельной интерпретации.

Ключевые слова: субъект, онтология, Хайдеггер, теория моделей.

Математика сама по себе является онтологией. Это положение Алена Бадью означает, что математические понятия описывают не предположительно существующие (или воображаемые) сущности, а способы бытия. Другими словами, математика является наукой не о том, что существует, не о сущем, а о способах существования существующего, о бытии. При этом для Бадью фундаментальной онтологией или наукой о сущем, поскольку оно сущее, т. е. о том, что характеризует всякое сущее лишь поскольку оно сущее, является теория множеств. Поэтому онтология оказывается теорией сущего, поскольку оно множественно. Тезис, однако, остается верным и на уровне региональных онтологий, описывающих конкретные способы бытия. Вопрос настоящей статьи состоит в том, в какой мере он применим к онтологии Хайдеггера, изложенной в трактате «Бытие и время». Если говорить точнее, этот вопрос в некотором смысле обратен к тезису Бадью. Он состоит скорее в том, можно ли и в какой мере рассматривать онтологию Хайдеггера как математику; это попытка «математизации» последней. При этом если в онтологии Бадью «быть» означает «быть множественным», то интерпретация, изложенная ниже, остается на менее абстрактном уровне. Сам Хайдеггер недвусмысленно возражает против интерпретации «Бытия и времени» фор-

мально-математически. Однако, с другой стороны, в трактате мы часто встречаем именно формальный подход. Это не случайно. В любом случае, как я намерен показать, мышление Хайдеггера во многом математично, и тезис Бадью о тождестве математики и онтологии вполне к нему применим.

Строго говоря, «Бытие и время» не является фундаментальной онтологией. Задача ее построения поставлена Хайдеггером, но не решена в опубликованных частях трактата. Аналитика *Dasein* является лишь подготовительным этапом на пути к разработке вопроса о смысле бытия вообще. По этой причине речь здесь может идти об определенной онтологии – онтологии поступающего субъекта (к слову сказать, Гуссерль считал «Бытие и время» региональной онтологией). С этим связано еще одно обстоятельство, которое следует отметить, прежде чем переходить к интерпретации. Речь в ней пойдет не о познании или значении, а о действии – т. е. не о теоретической, а о практической философии. Хотя Хайдеггер пытается, подобно Фихте, показать зависимость специальных наук от описываемого им понимания бытия, сама по себе это отдельная проблема, и я не буду ее обсуждать. Таким образом, в более широком контексте, речь пойдет о пригодности теории моделей к описанию практического – поступков, желаний, свободы и т. д. Например, значи-

мость или смысл, о которых идет речь ниже, не следует понимать в контексте какой бы то ни было логико-семантической «теории значения». Значимость есть то, ради чего совершаются поступки, она относится, в терминологии Канта, к способности желания, а не познания.

Отвержение математизации Хайдеггером связано с тем, что для него математика связана с субстантивацией и исчислением. В то время теоретико-модельный подход развивается как раз в противоположность субстантивирующему субъектно-предикатному описанию. Соответственно, гипотеза данной статьи состоит в том, что теоретико-модельное истолкование хайдеггеровской онтологии не только возможно, но и в некотором смысле естественно. Это не означает, разумеется, что эта онтология и теория моделей эквивалентны. Нам придется выйти за рамки теории моделей по крайней мере в двух направлениях: во-первых, экспликация наброска и заботы потребует некоторого расширения теоретико-модельного подхода, и во-вторых, данная интерпретация будет означать определенное онтологическое истолкование самой теории моделей.

Строгое определение модели достаточно сложно (см., например: [Кейслер, 1982]), но для наших целей будет достаточно лишь основной идеи теоретико-модельного подхода. А именно, я буду считать, что модель включает в себя: 1) формальную схему (теорию), выраженную на неспецифицированном языке, в котором имеются символы двух типов: для переменных и для отношений; 2) интерпретацию этой схемы на некотором множестве. Посмотрим, в каком смысле можно говорить о применимости этого упрощенного понятия модели к «Бытию и времени».

Хайдеггеровский проект в целом опирается на понятие онтологического различия или различия бытия и сущего. В качестве подготовки к вопросу о смысле бытия вообще Хайдеггер рассматривает бытие особого сущего, которым являемся мы сами. Способы бытия этого сущего (Dasein) он называет экзистенциалами. Одним из ключевых экзистенциалов является бытие-в-мире: если Dasein вообще есть, то оно есть в мире. Первичный способ отношения Dasein к сущему внутри мира Хайдеггер называет озабочением и объясняет его смысл следующим образом: «Бытие-в-мире присут-

ствия (Dasein) всегда уже разбросалось или даже расколосось с его фактичностью на определенные способы бытия-в. Многообразие этих способов бытия-в примерно обозначается следующим перечислением: иметь дело с чем, изготавливать что, обрабатывать и возвращать что, применять что, упускать и дать пропасть чему, предпринимать, пробовать, узнавать, опрашивать, рассматривать, обговаривать, обуславливать... Эти способы бытия-в имеют подлежащий еще подробной характеристике бытийный образ озабочения. Способы озабочения это и дефективные модусы небрежения, упущения, отказа, халатности, все модусы “только лишь” по отношению к возможностям озабочения. Титул “озаботиться” имеет ближайшим образом свое донаучное значение и может значить: что-то исполнять, устраивать, “доводить до ума”. Выражение может также подразумевать: чем-то озаботиться в смысле “что-то себе раздобыть”. Далее, мы употребляем его в характерном обороте: я озабочен, что предприятие не удастся» [Хайдеггер, 1997. С. 56–57]. Все эти разнообразные виды озабочения Хайдеггер формализует в терминах использования. Соответственно, встречающееся в озабочении сущее Хайдеггер называет средством (Zeug) и описывает его так же, как инструмент или оснастку. Способ бытия средства называется подручностью (Zuhandenheit). Таким образом, подручное это то, что используется нами, когда мы делаем какую-то работу или заняты какой-то деятельностью. Таким образом, быть подручным означает быть включенным в некоторый контекст использования, который Хайдеггер описывает в терминах отсылок «к тому» или «для чего» (Wozu). Терминологически, Хайдеггер описывает характер бытия подручного как Bewandtnis, имение-дела, как переводит Библихин [Там же] (соответствующие английские варианты: involvement или relevance). Это немецкое слово переводится обычно как «обстоятельство» и используется в таких идиомах, как: damit hat es folgende Bewandtnis – дело вот в чем, дело (заключается) в следующем; damit hat es eine andere Bewandtnis – это другое дело; es hat mit j-m, mit etw eine eig(e)ne Bewandtnis – кто-л., что-л. представляет собой нечто особое; кому-л., чему-л. присуще особое свойство. В немецком языке есть также прилагательное bewandt, которое используется в выражении

ях, подобных следующим: *bei so bewandten Dingen* – при таких обстоятельствах; *so ist es um die (mit der) Sache bewandt, es ist damit so bewandt* – так обстоит дело. Имеется также существительное *Bewenden*: *damit hat es sein eigenes Bewenden* – это дело особое. Имея в виду все эти употребления, Хайдеггер формализует понятие *Bewandtnis* следующим образом: «*Der Seinscharakter des Zuhandenen ist die Bewandtnis. In Bewandtnis liegt: bewenden lassen mit etwas bei etwas. Der Bezug des "mit... bei..." soll durch den Terminus Verweisung angezeigt werden*» [Heidegger, 1967. S. 84] («Характер бытия подручного есть имение-дела. В имении-дела лежит: допустить иметь дело, которое в чем-то, с чем-то. Отношение “в чем... с чем...” должен означить термин отсылание» [Хайдеггер, 1997. С. 84]). Мы видим, что имение-дела означает включенность подручного в «дело». При этом *mit...* указывает на то, что включено, а *bei...* – на то, во что включено. Далее Хайдеггер поясняет: «То-с-чем имеется-дело есть к-чему пригодности, для-чего применимости» [Там же] («*Das Wobei es die Bewandtnis hat, ist das Wozu der Dienlichkeit, das Wofür der Verwendbarkeit*» [Heidegger, 1967. S. 84]). Таким образом, *bei* в структуре отношения имени-дела совпадает с *Wozu*, а *mit* указывает на используемое средство. При этом целое имени-дела предшествует средству в том смысле, что последнее всегда предполагает первое: не существует молотка самого по себе, только в контексте его возможного использования.

Хайдеггер продолжает: «Но целостность имени-дела сама восходит в итоге к такому к-чему, с которым уже не может быть имени-дела; которое не есть сущее в бытийном роде подручного внутри мира, но сущее, чье бытие определяется как бытие-в-мире [...] Первичное “к-чему” есть ради-чего (*Worum-willen*)» [Ibid. S. 84]. Другими словами, *Wozu* (к-чему), последовательно отсылающие к другим *Wozu*, имеют свой предел в первичном *Wozu*, которое Хайдеггер называет *Worum-willen* (ради-чего). Последнее относится к способу бытия *Dasein*, которое есть «ради себя». В результате, в структуре подручного мы имеем два вида отношений: 1) имение-дела или отношение «*mit... bei...*» и 2) отсылки *Wozu* друг к другу, имеющие пределом *Worum-willen*. Первое из этих отношений допускает непосредственный перенос в теорию моделей. Дейст-

вительно, оно соответствует отношению интерпретации из нашего определения модели. *Bei...* указывает на формальную схему, тогда как *mit...* – на «объекты» интерпретирующие эту схему (интерпретанты). Поскольку речь идет о подручности, мы получаем, что интерпретирующее множество теории моделей соответствует сущему (конкретно, подручному), тогда как схемы представляют собой способы бытия этого сущего («дело», в котором подручное служит средством).

Что касается второго вида отношений, то они соответствуют вложенности схем друг в друга, причем предельная самая полная схема соответствует *Worum-willen* или *Dasein*. Это свойство вложенности не имеет существенного значения для нашей интерпретации, и я в дальнейшем не буду его учитывать и буду считать, что имеется лишь одна схема, а именно, та, что является предельной (что, конечно, не исключает возможности нескольких предельных схем). Всю систему отношений *Worum-willen*, *Wozu*, *Bewandtnis* Хайдеггер называет значимостью (*Bedeutsamkeit*). Она есть условие, при котором способно открыться подручное. В этом смысле значимость есть то, в чем *Dasein* всегда уже есть.

Мы видим, что схема указывает на способ бытия не только сущего, выступающего интерпретантом схемы, но и *Dasein* (посредством *Worum-willen*). Поскольку бытие *Dasein*, соответствующее подручности, есть озабочение, то наша упрощенная теория моделей описывает в точности озабочение как способ бытия *Dasein* и, соответственно, подручное как сущее, задействованное в озабочении. Однако мы можем теперь расширить наше толкование и считать, что теория моделей описывает способы бытия вообще. В результате такого обобщения мы получим следующее базовое соответствие между онтологией «Бытия и времени» и теорией моделей: хайдеггеровское онтологическое различие бытия и сущего соответствует различию схемы и ее интерпретации в рамках модели; при этом схема описывает бытие сущего, причем переменные схемы соответствуют сущему внутри мира (например, различным видам подручного), а отношения – *Dasein*-образному сущему или бытию-в-мире (например, различным модусам озабочения).

Теперь перед нами стоит задача понять, возможно ли достигнутую базовую интерпретацию распространить на аналитику Dasein в целом.

Dasein не просто есть, а понимает бытие. Оно понимает как бытие сущего (например, подручность), так и собственное бытие. При этом само Dasein определяется как сущее, в бытии которого дело идет о его бытии. Понимание Хайдеггер описывает в терминах умения или способности быть (Seinkönnen): Dasein способно быть в мире, т. е. знакомо с подручным, умеет обращаться с ним¹. При этом, «Для Dasein дело идет о собственном бытии» означает, более точно, – о собственной способности быть. Dasein как экзистирующее свободно в отношении определенных своих возможностей. Оно есть своя собственная способность быть» [Хайдеггер, 2001. С. 366]. Дальнейшая конкретизация проводится Хайдеггером в терминах наброска: «Понимать означает точнее – *набрасывать себя в направлении некоторой возможности, в наброске всякий раз в некоторой возможности удерживаться*» [Там же. С. 367]. При этом само понимание также является способом бытия или способностью быть. Другими словами, понимание или набросок являются таким способом бытия, в котором в качестве «сущего» выступает другой способ бытия. Это означает, что для того, чтобы описать набросок, наше определение модели должно быть расширено: в качестве значений переменных в схемах мы должны допустить другие схемы.

Чтобы продвинуться дальше, нам нужно рассмотреть два вида или модуса бытия Dasein – собственный и несобственный. Несобственным пониманием (das Man) Хайдеггер называет такое понимание, при котором Dasein понимает себя исходя из сущего в мире, а не из себя самого. Dasein, как говорит Хайдеггер, убегает к вещам. Это не означает, что в Man нет наброска. Dasein все также набрасывает свое бытие, но делает это несобственным образом, безвольно (unwillentlich), как говорит Хайдеггер в одном месте [Heidegger, 1967. S. 193]. Оно как бы захвачено чужим желанием и не имеет своего. Основная характеристика Man: Dasein понимает себя из того, чем оно оза-

бочено, т. е. из способов бытия, непосредственно направленных на подручное. Тем самым оно не замечает, что само набрасывает эти способы бытия. В Man у Dasein нет собственных способов бытия, все способы – чужие. Кроме того, в Man создается иллюзия, что что-то происходит, хотя фактически все время повторяется одно и то же.

В противоположность Man, в собственном модусе бытия Dasein должно отказаться от возможностей, которые не его, от чужих возможностей [Хайдеггер, 1997. С. 263]. Отсутствие собственных возможностей переживается в тревоге или ужасе (Angst). Тревога демонстрирует Dasein, что оно «потеряло себя». Эта потеря переживается в голосе совести, который обращается к Dasein, затерянному в Man, и зовет его вернуться к себе. Совесть напоминает Dasein о виновности, которую Хайдеггер понимает как способность быть (способность-быть-виновным). Поэтому переход Dasein к собственному модусу бытия означает признание этой сущностной виновности и согласие слышать голос совести, которое Хайдеггер называет желанием иметь совесть (Gewissen-haben-wollen) [Там же. С. 234]. Терминологически, бросание себя на собственное бытие-виновным Хайдеггер называет решимостью. В теоретико-модельных терминах бытие Dasein – как собственное, так и несобственное – всегда имеет структуру наброска, т. е. схемы, интерпретируемой на множестве схем. Может показаться, что переход к собственному означает переход от сущего (Dasein понимает себя из сущего) к бытию (Dasein понимает себя из способов бытия). Это, однако, не совсем так. В собственном модусе Dasein понимает себя не просто набрасывающим, но набрасывающим собственные возможности. Можно даже сказать, что тревога демонстрирует Dasein его набрасывающий характер, но это еще не делает его бытие собственным. Для последнего необходима дополнительная характеристика, отделяющая собственные возможности от несобственных. Эта характеристика связана с пониманием смерти.

Смерть сама по себе не является способом бытия Dasein. Оно никогда не есть «в смерти», но всегда «к смерти». Другими словами, смерть присутствует в бытии Dasein только в виде способности, а именно, способности не быть: Dasein есть так, что способно не быть (при этом смерть опреде-

¹ Хайдеггер различает также понимание (Verstehen) и понимание бытия (Seinsverständnis). Это усложнение для нас сейчас не существенно, и пониманием я далее буду называть только последнее.

ляется как невозможность экзистенции, а не просто бытия: *der Unmöglichkeit der Existenz überhaupt* [Heidegger, 1967. S. 262]). Если для *Man* характерно уклонение от смерти (умирающего, говорит Хайдеггер, убеждают, что он избежит смерти и «снова вернется в успокоенную повседневность своего устраиваемого озабочением мира» [Хайдеггер, 1997. С. 253]), то собственный модус бытия означает ее принятие. В каком смысле? Набрасывание смерти как возможности Хайдеггер называет заступанием (*Vorgreifen*). Его определяющей характеристикой является то, что набрасываемое в нем остается возможностью и никогда не актуализируется. Согласно Хайдеггеру, такой характер имеет набрасывание собственных способностей быть вообще. Таким образом, анализ решимости смыкается с анализом заступления, и Хайдеггер приходит к единому экзистенциалу, который он называет заступающей решимостью. Тревога, вина, смерть, «ничто» оказываются тесно связаны. Структура этой связи, как мы видим, достаточно сложна, но мы можем избежать детального разбора хайдеггеровской аргументации. С точки зрения нашей интерпретации, достаточно понять, как выглядит конечный результат. Попробуем его описать.

На что решается *Dasein*? На этот вопрос нельзя ответить прежде самого решения. Возможности, набрасываемые решимостью, существуют только в самой решимости. В этом состоит отличие собственного наброска от наброска в *Man*, где никто не принимает решения, и решение всегда уже принято. Это означает, что решимость представляет собой схему, в которой имеется неинтерпретированная переменная. Решимость это способ бытия, в котором на месте сущего ничего нет. В интерпретации Хайдеггера это место занято собственными возможностями, хотя то, что они из себя представляют, остается неясным. Несмотря на то, что Хайдеггер постоянно подчеркивает, что в *Man* *Dasein* забывает о бытии и ограничивается исключительно сущим, этого, как мы видим, недостаточно для понимания отличия собственного способа быть от не-собственного. Различие бытия и сущего, конечно, важно, но не менее существенно проведение различия внутри способов бытия, а именно, различия между способами с нехваткой и способами без нехватки. В ре-

зультате мы видим, что наша теоретико-модельная структура должна быть расширена еще в одном направлении. Она должна допускать схемы с неинтерпретированными переменными. Эти схемы соответствуют особым способам бытия субъекта – набрасыванию неизвестных способов быть. Именно в этом состоит специфика *Dasein* как «сущего, в бытии которого речь идет о его бытии».

Подведем итог. Как мы выяснили, наше упрощенное определение модели полностью подходит для описания озабоченности и подручности. Для экспликации наброска нам потребовалось некоторое расширение, а именно, мы должны были допустить, что схемы могут иметь другие схемы в качестве интерпретантов. Дальнейшая конкретизация потребовала от нас еще одного уточнения нашей интерпретации: мы должны были допустить возможность схем с нехваткой, т. е. схем, в которых некоторые переменные остаются неинтерпретированными и тем самым неопределенными. Эти два расширения, однако, не изменили главного: осталась в силе интерпретация способов бытия как формальных схем, а сущего – как множества интерпретантов этих схем. Уточнения состоят лишь в том, что в некоторых случаях способы бытия могут выступать в качестве сущего для других способов бытия, и в том, что некоторые способы бытия (самым показательным из которых является тревога) могут не иметь интерпретирующего их сущего.

Рассмотрим теперь внимательнее некоторые следствия и особенности нашей интерпретации.

Что вообще означает переход к собственному способу бытия? То, что в *Man* «все уже решено», означает, что в нем в качестве интерпретантов наброска выступает уже готовое множество способов бытия: *Dasein* поступает здесь «как все». Тревога открывает *Dasein* не просто то, что оно само набрасывает свое бытие, но и то, что способы, которые оно набрасывает, – «не те». Другими словами, среди множества способов бытия *Man* отсутствуют некоторые особые способы. *Dasein* переживает падение в *Man* как захваченность чуждой ему силой, от которой следует освободиться. Однако тревога, демонстрируя чуждость *Man*, не указывает альтернативных способов бытия. Зов

тревоги остается неопределенным в своем направлении. Хайдеггер в «Бытии и времени» выходит из этой ситуации, полагая, что отсутствующий в *Man* способ бытия это «собственный» способ бытия *Dasein* (в противоположность чуждым «несобственным» способам). Тогда оказывается, что зов тревоги зовет *Dasein* «к себе». Но это лишь одна из возможных интерпретаций. Действительно, одной только неопределенности уже достаточно для того, чтобы освободиться от захваченности чужим желанием *Man*. набросок допускает набрасывание с пустым интерпретантом, и если рассматривать такой набросок как защиту от тревоги, то обозначение этого пустого интерпретанта как «собственного способа бытия» будет излишним. В самом деле, если ужас тревоги вызван тем, что способы бытия *Man* «не те», то всякий набросок, направленный на отличный от них, пусть и неопределенный, способ бытия уже выводит за пределы *Man*. Характеристика же его как «собственного» имеет другую причину, а именно, общую интенцию хайдеггеровского проекта в «Бытии и времени»: интерпретировать тревогу как потерю себя, а совесть – как призыв вернуться к самому себе. Мы видим, однако, что решимость допускает другие толкования, к которым Хайдеггер, в частности, обращается уже после публикации «Бытия и времени».

Однако, и это показывает наша интерпретация, прежде всего Хайдеггер делает еще один шаг, а именно, он интерпретирует саму нехватку как способ бытия. Это происходит в ходе анализа тревоги, когда потеря, переживаемая в тревоге, оказывается отсутствием способа быть, или, в нашей терминологии, отсутствием формальной схемы. Это означает, что *Dasein* для Хайдеггера не только может быть чем-то определенным, но всегда уже что-то есть. Тем самым предполагается определенное, а именно, онтологическое понимание *Dasein* – исключительно в терминах его способов бытия. Но возможно ли иное понимание?

Попробуем подойти к проблеме немного иначе. В теоретико-модельной структуре нечто отсутствует. Это нечто – субъект в его свободе. Мы встречаем здесь вполне классическую проблематику, которую можно найти, например, у Канта при обсуждении

свободы в «Критике чистого разума». Отсутствие субъекта можно понимать различным образом. Что означает его истолкование в терминах способов быть? Оно означает, что ни одна из схем, предоставляемых публичностью *Man*, не позволяет субъекту появиться. Это, в свою очередь, может означать либо то, что такая схема имеется где-то в другом месте, либо то, что ее нет вообще. В первом случае есть также два варианта: либо мы предполагаем, что такой «собственный» способ быть имеется в прошлом или будущем («судьба», в которую *Dasein* заброшено), либо в качестве этого способа мы берем само набрасывание схем, при условии, что оно имеет структуру заступающей решимости, т. е. имеет неинтерпретированные переменные (предполагая, что набрасывание как схема отсутствует среди схем *Man*). В последнем случае *Dasein* есть собственным образом, независимо от того, на какой конкретно способ бытия оно решается. Несмотря на то, что в тексте Хайдеггера мы не единожды встречаем указания на второй вариант, в целом он склоняется к первому (вероятно, «Бытие и время» можно даже рассматривать с точки зрения взаимодействия этих двух несовместимых подходов). Но что могло бы означать отсутствие такой схемы, пусть даже и «в другом месте»? И можем ли мы найти у Хайдеггера указание на такое понимание нехватки? Можем. В тревоге переживается, по видимому, отсутствие «собственного» как таковое. Его интерпретация как сокрытости, как бы они ни понималась, уже является в некотором смысле защитой и «вытеснением». В любом случае отсутствие схемы в тревоге и набрасывание неизвестной схемы в решимости – это две различные структуры. Возможно ли иное истолкование нехватки, помимо онтологического? И не выходит ли это истолкование за пределы теоретико-модельного подхода? Эти вопросы остаются открытыми.

Список литературы

Кейслер Х. Д. Основы теории моделей // Справочная книга по математической логике. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1982. Т. 1. С. 55–108.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1967. 437 S.

Материал поступил в редколлегию 14.12.2009

O. A. Domanov

ON MODEL-THEORETICAL INTERPRETATION OF «BEING AND TIME»

The article discusses a general idea of model-theoretical interpretation of Heidegger's *Being and Time*. An ontological interpretation of model theory is proposed. It allows the description of care, readiness-in-hand, project, resoluteness, etc. in model-theoretical terms. This becomes possible thanks to specific Heidegger's understanding of anxiety as loss of oneself and of conscience as call to return to oneself. This raises a question of alternative understanding and of the possibility of its model-theoretical interpretation.

Keywords: subjectivity, ontology, Heidegger, model theory.